СКАЗКИ

Царь Горевна.

Рисунки И. Я. Билибина.

Изданіе
Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Ноября 1903 г.

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/mariamorevna00unse_1

Марья Моревна

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ-былъ Иванъ-царевичъ; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отецъ и мать у нихъ померли; умирая, они сыну наказывали: „Кто первой за твоихъ сестеръ станетъ свататься, за того и отдавай — при себѣ не держи долго!“ Царевичъ похоронилъ родителей и съ горя пошелъ съ сестрами во зеленой садъ погулять. Вдругъ находитъ на небо туча черная, встаетъ гроза страшная. „Пойдемте, сестрицы, домой!“ говоритъ Иванъ-царевичъ. Только пришли во дворецъ, какъ грянулъ громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ къ нимъ въ горницу ясенъ соколъ; ударился соколъ объ полъ, сдѣлался добрымъ молодцемъ и говоритъ: „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! прежде я ходилъ гостемъ, а теперь пришелъ сватомъ: хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать“. — „Коли любъ ты сестрицѣ, я ея не унимаю — пусть съ Богомъ идетъ!“ Марья-царевна согласилась; соколъ женился и унесъ ее въ свое царство.

Дни идутъ за днями, часы бѣгутъ за часами — цѣлаго года какъ не бывало. Пошелъ Иванъ-царевичъ съ двумя сестрами во зеленой садъ погулять. Опять встаетъ туча съ вихремъ, съ молніей. „Пойдемте, сестрицы, домой!“ говоритъ царевичъ. Только пришли во дворецъ, какъ ударилъ громъ, распалася

крыша, раздвоился потолокъ и влетѣлъ орелъ; ударился орелъ объ полъ и сдѣлался добрымъ молодцемъ: „Здравствуй, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ“. И посваталъ Ольгу-царевну. Отвѣчаетъ Иванъ-царевичъ: „Если ты любъ Ольгѣ-царевнѣ, то пусть за тебя идетъ; я съ нея воли не снимаю“. Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замужъ; орелъ подхватилъ ее и унесъ въ свое царство.

Прошелъ еще одинъ годъ. Говоритъ Иванъ-царевичъ своей младшей сестрицѣ: „Пойдемъ, во зеленомъ саду погуляемъ!“ Погуляли немножко; опять встаетъ туча съ вихремъ, съ молніей. „Вернемся, сестрица, домой!“ Вернулись домой, не успѣли сѣсть, какъ ударилъ громъ, раздвоился потолокъ и влетѣлъ воронъ; ударился воронъ объ полъ и сдѣлался добрымъ молодцемъ; прежніе были хороши собой, а этотъ еще лучше. „Ну, Иванъ-царевичъ! прежде я гостемъ ходилъ, а теперь пришелъ сватомъ: отдай за меня Анну-царевну“. — „Я съ сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идетъ за тебя“. Вышла за ворона Анна-царевна, и унесъ онъ ее въ свое государство.

Остался Иванъ-царевичъ одинъ; цѣлый годъ жилъ безъ сестеръ, и сдѣлалось ему скучно. „Пойду“, говоритъ, „искать сестрицъ“. Собрался въ дорогу, шелъ-шелъ и видитъ — лежитъ въ полѣ рать-сила побитая. Спрашиваетъ Иванъ-

И. БИЛИБИНЪ.
1901.

И. БИЛИБИНЪ 1900.
1901

царевичъ: „Коли есть тутъ живъ человѣкъ — озовися! кто побилъ это войско великое?“ Отозвался ему живъ человѣкъ: „Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрасная королевна“.

Пустился Иванъ-царевичъ дальше, наѣзжалъ на шатры бѣлые, выходила къ нему навстрѣчу Марья Моревна, прекрасная королевна: „Здравствуй, царевичъ, куда тебя Богъ несетъ—по волѣ, аль по неволѣ?“ Отвѣчалъ ей Иванъ-царевичъ: „Добрые молодцы по неволѣ не ѣздятъ!“—„Ну, коли дѣло не къ спѣху, погости у меня въ шатрахъ“. Иванъ-царевичъ тому и радъ, двѣ ночи въ шатрахъ ночевалъ, полюбился Марьѣ Моревнѣ и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королевна, взяла его съ собой въ свое государство; пожили они вмѣстѣ сколько-то времени, и вздумалось королевнѣ на войну собираться; покидаетъ она на Ивана-царевича все хозяйство и приказываетъ: „Вездѣ ходи, за всѣмъ присматривай; только въ этотъ чуланъ не моги заглядывать!“

Онъ не вытерпѣлъ: какъ только Марья Моревна уѣхала, тотчасъ бросился въ чуланъ, отворилъ дверь, глянулъ — а тамъ виситъ Кощей Безсмертной, на двѣнадцати цѣпяхъ прикованъ. Проситъ Кощей у Ивана-царевича: „Сжалься надо мной, дай мнѣ напиться! десять лѣтъ я здѣсь мучаюсь, не ѣлъ-не пилъ — совсѣмъ въ горлѣ пересохло!“ Царевичъ подалъ ему цѣлое ведро воды; онъ выпилъ и еще запросилъ: „Мнѣ однимъ ведромъ не залить жажды: дай еще!“ Царевичъ подалъ другое ведро; Кощей выпилъ и запросилъ третье, а какъ выпилъ третье ведро — взялъ свою прежнюю силу, тряхнулъ цѣпями и сразу всѣ двѣнадцать порвалъ. „Спасибо, Иванъ-царевичъ!“ сказалъ Кощей Безсмертной, „теперь тебѣ никогда не видать Марьи Моревны, какъ ушей своихъ!“ и страшнымъ вихремъ вылетѣлъ въ окно, нагналъ на дорогѣ Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватилъ ее и унесъ къ себѣ.

А Иванъ-царевичъ горько-горько заплакалъ, снарядился и пошелъ въ путь-дорогу: „Что ни будетъ, а разыщу Марью Моревну!“ Идетъ день, идетъ другой, на разсвѣтѣ третьяго видитъ чудесной дворецъ, у дворца дубъ стоитъ, на дубу ясенъ соколъ сидитъ. Слетѣлъ соколъ съ дуба, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: „Ахъ, шуринъ мой любезной! какъ тебя Господь милуетъ?“ Выбѣжала Марья-царевна, встрѣла Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье разспрашивать, про свое житье-бытье разсказывать.

Погостилъ у нихъ царевичъ три дня и говоритъ: „Не могу у васъ гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну“.—„Трудно тебѣ сыскать ее“, отвѣчаетъ соколъ. „Оставь здѣсь на всякой случай свою серебряную ложку: будемъ на нее смотрѣть, про тебя вспоминать“. Иванъ-царевичъ оставилъ у сокола свою серебряную ложку и пошелъ въ дорогу.

Шелъ онъ день, шелъ другой, на разсвѣтѣ третьяго видитъ дворецъ, еще лучше перваго, возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу орелъ сидитъ. Слетѣлъ орелъ съ дерева, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: „Вставай, Ольга-

царевна! милый нашъ братецъ идетъ". Ольга-царевна тотчасъ прибѣжала навстрѣчу, стала его цѣловать-обнимать, про здоровье разспрашивать, про свое житье-бытье разсказывать.

Иванъ-царевичъ погостилъ у нихъ три денька и говоритъ: „Дольше гостить мнѣ некогда: я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну". Отвѣчаетъ орелъ: „Трудно тебѣ сыскать ее. Оставь у насъ серебряную вилку: будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать". Онъ оставилъ серебряную вилку и пошелъ въ дорогу.

День шелъ, другой шелъ, на разсвѣтѣ третьяго видитъ дворецъ, лучше первыхъ двухъ, возлѣ дворца дубъ стоитъ, на дубу воронъ сидитъ. Слетѣлъ воронъ съ дуба, ударился оземь, обернулся добрымъ молодцемъ и закричалъ: „Анна-царевна! поскорѣй выходи, нашъ братецъ идетъ". Выбѣжала Анна-царевна, встрѣла его радостно, стала цѣловать-обнимать, про здоровье разспрашивать, про свое житье-бытье разсказывать.

Иванъ-царевичъ погостилъ у нихъ три денька и говоритъ: „Прощайте! пойду жену искать—Марью Моревну, прекрасную королевну". Отвѣчаетъ воронъ: „Трудно тебѣ сыскать ее; оставь-ка у насъ серебряную табакерку: будемъ на нее смотрѣть, тебя вспоминать". Царевичъ отдалъ ему серебряную табакерку, попрощался и пошелъ въ дорогу.

День шелъ, другой шелъ, а на третій добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милаго, бросилась къ нему на шею, залилась слезами и промолвила: „Ахъ, Иванъ-царевичъ! зачѣмъ ты меня не послушался — посмотрѣлъ въ чуланъ и выпустилъ Кощея Безсмертнаго?" — „Прости, Марья Моревна! не поминай стараго, лучше поѣдемъ со мной, пока не видать Кощея Безсмертнаго; авось не догонитъ!" Собрались и уѣхали.

А Кощей на охотѣ былъ; къ вечеру онъ домой ворочается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. — „Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?" Отвѣчаетъ конь: „Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну увезъ". — „А можно ли ихъ догнать?" — „Можно пшеницы насѣять, дождаться, пока она вырастетъ, сжать ее, смолотить, въ муку обратить, пять печей хлѣба наготовить, тотъ хлѣбъ поѣсть да тогда въ догонь ѣхать—и то поспѣемъ!"

Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича: „Ну", говоритъ, „первой разъ тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоилъ, и въ другой разъ прощу, а въ третій берегись—на куски изрублю!" Отнялъ у него Марью Моревну и увезъ, а Иванъ-царевичъ сѣлъ на камень и заплакалъ.

Поплакалъ-поплакалъ и опять воротился назадъ за Марьей Моревною; Кощея Безсмертнаго дома не случилося. — „Поѣдемъ, Марья Моревна!" — „Ахъ, Иванъ-царевичъ! онъ насъ догонитъ". — „Пускай догонитъ; мы хоть часокъ-другой проведемъ вмѣстѣ". Собрались и уѣхали.

Кощей Безсмертной домой возвращается, подъ нимъ доброй конь спотыкается.—„Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?"—

„Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну съ собой взялъ". — „А можно ли догнать ихъ?" — „Можно ячменю насѣять, подождать, пока онъ вырастетъ, сжать, смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвалу выспаться да тогда въ догонь ѣхать — и то поспѣемъ!"

Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича: „Вѣдь я жъ говорилъ, что тебѣ не видать Марьи Моревны, какъ ушей своихъ!" Отнялъ ее и увезъ къ себѣ.

Остался Иванъ-царевичъ одинъ, поплакалъ-поплакалъ и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кощея дома не случилося. „Поѣдемъ, Марья Моревна!" — „Ахъ, Иванъ-царевичъ! вѣдь онъ догонитъ, тебя въ куски изрубитъ". — „Пускай изрубитъ! я безъ тебя жить не могу". Собрались и поѣхали.

Кощей Безсмертной домой возвращается, подъ нимъ доброй конь спотыкается. „Что ты спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?" — „Иванъ-царевичъ приходилъ, Марью Моревну съ собой взялъ".

Кощей поскакалъ, догналъ Ивана-царевича, изрубилъ его въ мелкіе куски и поклалъ въ смоленую бочку; взялъ эту бочку, скрѣпилъ желѣзными обручами и бросилъ въ синее море, а Марью Моревну къ себѣ увезъ.

Въ то самое время у зятьевъ Ивана-царевича серебро почернѣло. „Ахъ", говорятъ они, „видно бѣда приключилася!" Орелъ бросился на сине море, схватилъ и вытащилъ бочку на берегъ, соколъ полетѣлъ за живой водою, а воронъ за мертвою. Слетѣлись всѣ трое въ одно мѣсто, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали, какъ надобно. Воронъ брызнулъ мертвой водою—тѣло срослось, съединилося; соколъ брызнулъ живой водою—Иванъ-царевичъ вздрогнулъ, всталъ и говоритъ: „Ахъ, какъ я долго спалъ!" — „Еще бы дольше проспалъ, если бъ не мы!" отвѣчали зятья; „пойдемъ теперь къ намъ въ гости". — „Нѣтъ братцы! я пойду искать Марью Моревну".

Приходитъ къ ней и проситъ: „Разузнай у Кощея Безсмертнаго, гдѣ онъ досталъ себѣ такого добраго коня?" Вотъ Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выспрашивать. Кощей сказалъ: „За тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, за огненной рѣкою живетъ баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждой день вокругъ свѣта облетаетъ. Много у ней и другихъ славныхъ кобылицъ; я у ней три дня пастухомъ былъ, ни одной кобылицы не упустилъ, и за то баба-яга дала мнѣ одного жеребеночка". — „Какъ же ты черезъ огненную рѣку переправился?" — „А у меня есть такой платокъ — какъ махну въ правую сторону три раза, сдѣлается высокой-высокой мостъ, и огонь его не достанетъ!" Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платокъ унесла да ему отдала.

Иванъ-царевичъ переправился черезъ огненную рѣку и пошелъ къ бабѣ-ягѣ. Долго шелъ онъ, не пивши-не ѣвши. Попалась ему навстрѣчу заморская птица съ малыми дѣтками. Иванъ-царевичъ говоритъ: „Съѣмъ-ка я одного цыпленочка". „Не ѣшь, Иванъ-царевичъ!" проситъ заморская птица: „въ нѣкоторое время пригожусь тебѣ".

Пошелъ онъ дальше; видитъ въ лѣсу улей пчелъ. „Возьму=ка я“, говоритъ, „сколько=нибудь медку“. Пчелиная матка отзывается: „Не тронь моего меду, Иванъ=царевичъ! въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь“.

Онъ не тронулъ и пошелъ дальше; попадаетъ ему навстрѣчу львица со львенкомъ. „Съѣмъ я хоть этого львенка: ѣсть такъ хочется, ажно тошно стало!“ —„Не тронь, Иванъ=царевичъ!“ проситъ львица: „въ нѣкоторое время я тебѣ пригожусь“. — „Хорошо, пусть будетъ по=твоему!“

Побрелъ голодной, шелъ=шелъ — стоитъ домъ бабы=яги, кругомъ дома двѣ=надцать шестовъ, на одиннадцати шестахъ по человѣчьей головѣ, только одинъ незанятой. „Здравствуй, бабушка!“ — „Здравствуй, Иванъ=царевичъ! почто пришелъ — по своей доброй волѣ, аль по нуждѣ?“ — „Пришелъ заслужить у тебя богатырскаго коня“. „Изволь, царевичъ! у меня вѣдь не годъ служить, а всего=то три дня: если упасешь моихъ кобылицъ — дамъ тебѣ богатырскаго коня, а если нѣтъ, то не гнѣвайся: торчать твоей головѣ на послѣднемъ шестѣ“. Иванъ=царевичъ согласился; баба=яга его накормила=напоила и велѣла за дѣло приниматься.

Только=что выгналъ онъ кобылицъ въ поле, кобылицы задрали хвосты и всѣ врозь по лугамъ разбѣжались; не успѣлъ царевичъ глазами вскинуть,

какъ онѣ совсѣмъ пропали. Тутъ онъ заплакалъ-запечалился, сѣлъ на камень и заснулъ. Солнышко уже на закатѣ, прилетѣла заморская птица и будитъ его: „Вставай, Иванъ-царевичъ! кобылицы теперь дома". Царевичъ всталъ, воротился домой, а баба-яга и шумитъ, и кричитъ на своихъ кобылицъ: „Зачѣмъ вы домой воротились?" — „Какъ же намъ было не воротиться? налетѣли птицы со всего свѣта, чуть намъ глазъ не выклевали". — „Ну, вы завтра по лугамъ не бѣгайте, а разсыпьтесь по дремучимъ лѣсамъ".

Переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро баба-яга ему говоритъ: „Смотри царевичъ! если не упасешь кобылицъ, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!"

Погналъ онъ кобылицъ въ поле; тотчасъ задрали хвосты и разбѣжались по дремучимъ лѣсамъ. Опять сѣлъ царевичъ на камень, плакалъ-плакалъ да и уснулъ. Солнышко сѣло за лѣсъ; прибѣжала львица: „Вставай, Иванъ-царевичъ! кобылицы всѣ собраны". Иванъ-царевичъ всталъ и пошелъ домой; баба-яга пуще прежняго и шумитъ, и кричитъ на своихъ кобылицъ: „Зачѣмъ домой воротились?" — „Какъ же намъ было не воротиться? набѣжали лютые звѣри со всего свѣта, чуть насъ совсѣмъ не разорвали". — „Ну, вы завтра забѣгите въ сине море".

Опять переспалъ ночь Иванъ-царевичъ; на утро посылаетъ его баба-яга кобылицъ пасти: „Если не упасешь — быть твоей буйной головушкѣ на шестѣ!"

Онъ погналъ кобылицъ въ поле; онѣ тотчасъ задрали хвосты, скрылись съ глазъ и забѣжали въ сине море: стоятъ въ водѣ по шею. Иванъ-царевичъ сѣлъ на камень, заплакалъ и уснулъ. Солнышко за лѣсъ сѣло, прилетѣла пчелка и говоритъ: „Вставай, царевичъ! кобылицы всѣ собраны; да какъ воротишься домой, бабѣ-ягѣ на глаза не показывайся, пойди въ конюшню и спрячься за яслями. Тамъ есть паршивой жеребенокъ — въ навозѣ валяется; ты украдь его и въ глухую полночь уходи изъ дому". Иванъ-царевичъ всталъ, пробрался въ конюшню и улегся за яслями; баба-яга и шумитъ, и кричитъ на своихъ кобылицъ: „Зачѣмъ воротились?" — „Какъ же намъ было не воротиться? налетѣло пчелъ видимо-невидимо со всего свѣта — и давай насъ со всѣхъ сторонъ жалить до крови!"

Баба-яга заснула, а въ самую полночь Иванъ-царевичъ укралъ у нея паршиваго жеребенка, осѣдлалъ его, сѣлъ и поскакалъ къ огненной рѣкѣ. Доѣхалъ до той рѣки, махнулъ три раза платкомъ въ правую сторону — и вдругъ, откуда ни взялся, повисъ черезъ рѣку высокой, славной мостъ. Царевичъ переѣхалъ по мосту и махнулъ платкомъ на лѣвую сторону только два раза — остался черезъ рѣку мостъ тоненькой-тоненькой.

Поутру пробудилась баба-яга — паршиваго жеребенка видомъ не видать; бросилась въ погоню: во весь духъ на желѣзной ступѣ скачетъ, пестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Прискакала къ огненной рѣкѣ, взгля-

И. БИЛИБИНЪ. 1901.

нула и думаетъ: „Хорошъ мостъ!“ Поѣхала по мосту, только добралась до средины—мостъ обломился, и баба-яга чубурахъ въ рѣку: тутъ ей и лютая смерть приключилась!

Иванъ-царевичъ откормилъ жеребенка въ зеленыхъ лугахъ; сталъ изъ него чудной конь. Пріѣзжаетъ царевичъ къ Марьѣ Моревнѣ; она выбѣжала, бросилась къ нему на шею: „Какъ тебя Богъ воскресилъ?“—„Такъ и такъ“, говоритъ. „Поѣдемъ со мной“.—„Боюсь, Иванъ-царевичъ! если Кощей догонитъ, быть тебѣ опять изрублену“.—„Нѣтъ, не догонитъ! теперь у меня славной, богатырской конь, словно птица летитъ“. Сѣли они на коня и поѣхали.

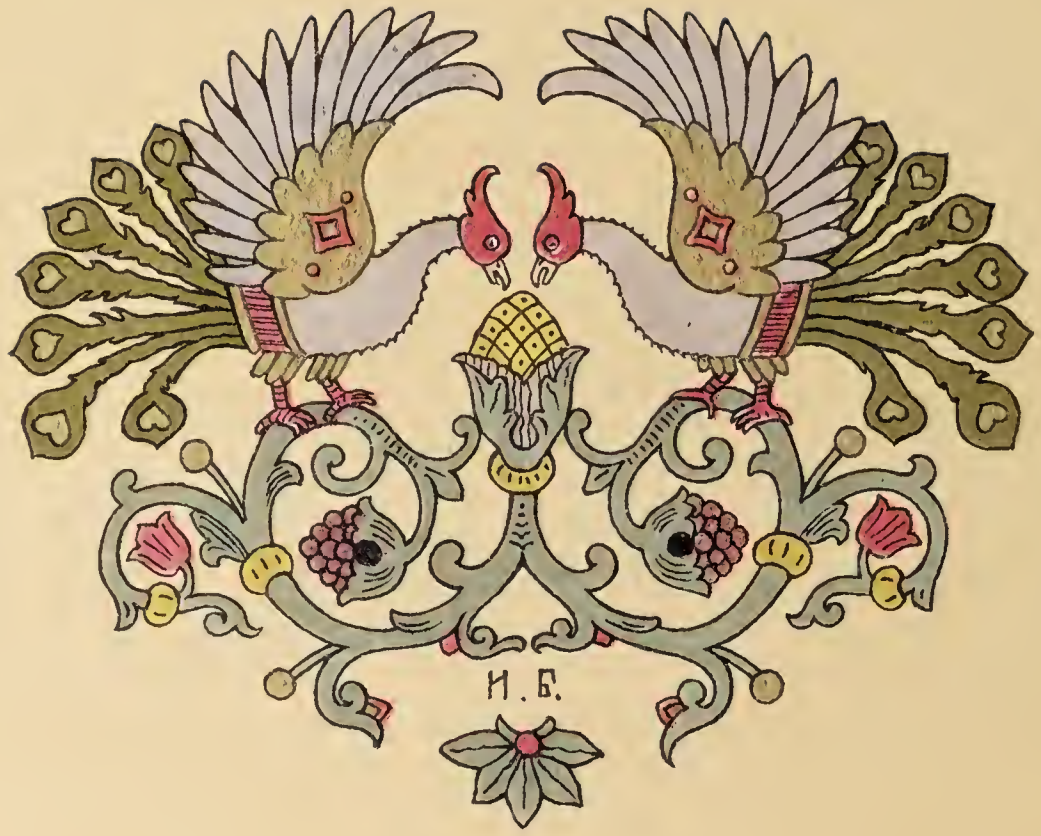
Кощей Безсмертной домой ворочается, подъ нимъ конь спотыкается. „Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? али чуешь какую невзгоду?“—„Иванъ-царевичъ пріѣзжалъ, Марью Моревну увезъ“.—„А можно ли ихъ догнать?“—„Богъ знаетъ! теперь у Ивана-царевича конь богатырской, лучше меня“.—„Нѣтъ, не утерплю!“ говоритъ Кощей Безсмертной, „поѣду въ погоню“.

Долго ли, коротко ли—нагналъ онъ Ивана-царевича, соскочилъ наземь и хотѣлъ было сѣчь его острой саблею; въ тѣ поры конь Ивана-царевича ударилъ со всего размаху копытомъ Кощея Безсмертнаго и размозжилъ ему голову, а царевичъ доконалъ его палицей. Послѣ того наклалъ царевичъ груду дровъ,

развелъ огонь, спалилъ Кощея Безсмертнаго на кострѣ, и самой пепелъ его пустилъ по вѣтру.

Марья Моревна сѣла на Кощеева коня, а Иванъ-царевичъ на своего, и поѣхали они въ гости сперва къ ворону, потомъ къ орлу, а тамъ и къ соколу. Куда ни пріѣдутъ, всюду встрѣчаютъ ихъ съ радостью: „Ахъ, Иванъ-царевичъ! а ужъ мы не чаяли тебя видѣть. Ну, да не даромъ же ты хлопоталъ: такой красавицы, какъ Марья Моревна, во всемъ свѣтѣ поискать—другой не найти!“ Погостили они, попировали и поѣхали въ свое царство; пріѣхали и стали себѣ жить-поживать, добра наживать да медокъ попивать.

„ВОЕНЪ" № 28



Цѣна 75 коп.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ